

НА ДНЯХ в Киев приехали некоторые делегации зарубежных коммунистов, принимавшие участие в XXVI съезде КПСС. И, размышляя о встречах с ними, я вдруг подумал, что действительно великая истина заключена в словах, высказанных в ходе одной такой встречи, как сама собой разумеющаяся: «Мы, коммунисты, очень хорошо ощущаем цельность мира и соединенность человечества. Мы стали главной из мировых сил, зовущих к мирному сосуществованию и справедливому сообществу».

И очень естественно, что съезд отчетливо провозгласил проблемы ответственности за жизнь и культуру человечества главными из существующих...

Созданы точно вычисленные таблицы взаимной зависимости разных стран: кто и насколько нуждается в нефти и зерне, хромовой руде, золоте, электричестве, принадлежащих другим странам: все это поддается учету, и все это можно учесть. Но, учитывая взаимную материальную зависимость разных народов и стран, мы никогда не сможем столь же точно перевести в материальные категории духовную связь на-

тельской встрече в Улан-Баторе прошлой осенью. — Вы слишком многое помните из прошлого, вы слишком внимательны к современному писанию». Как ни странно, но подобным образом почти всегда рассуждают и наиконсервативнейшие из буржуазных издателей, объясняя, почему, к примеру, Джек Лондон или Теодор Драйзер в нашей стране изданы большими тиражами, чем на их родине, в Соединенных Штатах.

Я вспоминаю об этом сегодня, сразу же после окончания XXVI съезда КПСС, потому, что ленинский тезис: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» — был подтвержден со всей убедительностью.

Мы всё помним. Мы помним то, что другие забыли или стараются позабыть. И память наша повергает многих в смущение и злость.

В ГЛУБИНЕ моего письменного стола лежат завернутые в бумагу две украшенные цветной эмалью железки с номерами на обо-

Виталий  
КОРОТИЧ

# ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

роде. Когда-то в Монреале человек, чье имя я до сих пор не знаю, подошел и, дохнув перегаром, втиснул бумажку эту мне в кулак. «Вот вы этого не видели, а помните, — сказал он. — Вы все помните. Я читал выступления на вашем партийном съезде — вы помните. Я читал ваши книги — вы помните все. Вы не научились забвению и милосердию, а еще говорите, что живете интересами всего человечества. Человечество — это и я; заберите мои номера, я не прошу прощения, меня ваша память поражает. Если бы она была другой — никто на свете не спрашивал бы уже, в кого я стрелял, а в кого промахнулся...»

Сверточек я раскрыл в гостинице: сразу не успел, потому что человек, дохнувший перегаром, исчез так же быстро, как и возник. В бумажку были завернуты личные знаки бойца дивизии СС «Галициен» — вышвырнуть бы мне их, да я подумал, что все-таки очень важно — человек тот сдался в плен именно мне, советскому, хоть знал, что мы таких в плен не брали. Допекло. Мне знаки эти нужны, потому что давно уже я замыслил фильм о таких, как это существо, с номерами, выдавленными в чужом железе. О мире, в который он мог бы забиться и спрятаться в нем при условии, что его не заметят из Советской страны.

Жизни людей и государств должны быть последовательны. То, что в нашей последовательности не сомневаются, очень важно. То, что нам верят, тоже очень важно. Все главные события советской жизни всегда бываю событиями международными. К нашим решениям примеряются или покушаются на них, но ожидают их во множестве стран. «Почему? — спросил я у Луандину Виейры, генерального секретаря Союза писателей Анголы. — Что вам дало общение с советской жизнью и с советской литературой?» Он ответил: «На свете так много людей, связанных с вами жизненной позицией, надеждой, пониманием справедливости. Я заинтересовался изучением марксизма, прочитав Горького: книги советских писателей прибывали к нам нелегально, через Бразилию; таким же путем приходили реше-

ния партийных съездов. И в борьбе за свою революцию нам было бы трудно без них».

В конце прошлого года, когда на очередных международных писательских встречах кипели обычные дискуссии на самые невероятные темы, нет-нет, да кто-нибудь из зарубежных участников обязательно спрашивал: «А что с вашим партийным съездом?» Спрашивали доброжелательно или зло, но всегда с интересом, потому что понимали, насколько съезд нашей партии связан со всем, что происходит на белом свете. И дело вовсе не во «вмешательстве» в чужие дела, как твердят лживые пророки. Боятся нашего вмешательства силой преобразующей мысли, силой конструктивных идей, в конце концов просто силой поучительного нашего опыта и жизни. Мы живем убедительно, и поэтому, когда стремятся нас обогатить, не останавливаются ни перед чем: нас давно бы сожгли в самом реальном пламени, если бы не боялись не только силы вооруженного отпора нашего, но и силы мысли, объединяющих нас.

И все-таки — жгли. Не только людей — книги сжигали, взрывали школы. Дух наших партийных съездов и дух нашей партийной литературы защищены очень дорогой ценой; только за победу в Великой Отечественной войне мы за-

моего письменного стола). Пленки были цветные и черные: о фашистской оккупации Киева, о Бабьем Яре и о фашистском перевороте в Чили, о гватемальских и сальвадорских убийствах-карателях, о развалинах улицы, на которой я жил, и о сгоревших вьетнамских домах, как две горстки пепла, похожих на мой. Все монтировалось астык — кадры о Гитлере, дрессирующем овчарку, и о точно таких же овчарках, бросающихся на демонстрантов в южно-африканском Союзе. Подожженный из огнемета вьетнамец был неотличим от горящего человека из Полтавы времен фашистской оккупации. Продолжались войны, продолжались убийства, но продолжались и надежды, сокрушающие смерть.

Когда на съезде партии говорили о мире, вспоминали минувшую войну и войны нынешние, то это был разговор людей, достаточно сильных для того, чтобы осмыслить собственный опыт и сделать его опытом человечества. И в этом смысле XXVI съезд КПСС многому нас научил, а силы наши удесятерил.

На недавней встрече-дискуссии советских и американских писателей один из американцев развел руками: «Мы почти прекратили писать о последней мировой войне, а если и пишем, то иронично, вы слиш-

зан с ее гуманизмом и миролюбием; как бы там ни было, человек был и остается единственным живым существом, твердо знающим, что жизнь его ограничена во времени. Теперь он стал и единственным за всю историю существом, который способен прервать эту жизнь всю сразу — одним Большим Взрывом. Так радикально прервать, что не останется даже птиц в небе. Пожалуй, в разговоре о нашей беспрерывной ответственности нет ничего более важного, чем понимание этой истины; советская литература доказала уже и продолжает доказывать, что в ней достаточно этой боли. И достаточно сил для борьбы за сохранение жизни — это очевидно».

Называя произведения нашей литературы в их связи с решениями XXVI съезда КПСС, я упомянул книги, написанные именно делегатами партийного съезда в самый канун его, — это очень важно, что такие книги были написаны такими писателями.

Партийные съезды — и XXVI в том числе — это уроки определенности. Определенности в отношении к человечеству и ко времени; определенности, закаленной в горнилах войны и мира; уважения ко всем ценностям, накопленным и выработанным людьми. Мы ведь долго шли к этому; приведу слова Мустая Карима из интервью, где писатель вспомнил о войне: «...на войне речь шла не только о противоборстве армий, шел бой за все, что создано человечеством...»

Мы уже не раз защищали человечество от варварства. Мы ощущаем себя неотъемлемой частью рода людского и поэтому чувствуем его боль. Поэтому раздумью о каждой конкретной судьбе врстают в контекст народных судеб.

Только что журнал «Театр» опубликовал новую пьесу Карима — беспощадную сатиру, фарс, но прежде всего произведение о борьбе за человеческое достоинство, о том, что бесправие и произвол по самой своей сущности противопоставлены нормальному человеческому существованию. Вернее, той жизни, которая любому из нас, советских, представляется единственно достойной и возможной. За эту жизнь мы стояли на фронтах. И впредь будем стоять: прошедший съезд — еще одному доказательство.

А ведь упомянул я произведения лишь трех писателей, участвующих в партийном съезде. Этого недостаточно; ведь только что я прочел и яркий «Выбор» Ю. Бондарева в «Нашем современнике». И в этой, и во всех названных книгах (таких разных!) времена сравниваются естественно и логично, прошедшего времени, по сути, не оказывается вовсе, потому что его уроки необходимы сегодня. Во всех произведениях, которые упомянул, международная тема очень отчетлива: тема причастности жизни каждого из героев к жизни и судьбе не только страны, но и всего человечества. Даже в фарсовой пьесе Карима антигерой — диктатор столь узнаваем и международный лафос ее очевиден с первых же строк.

В лучших своих произведениях советские литераторы всегда стремятся объединить мир, видеть его широко и четко: уви. это редкостное качество, спасительная масштабность. Партийность нашей литературы реализуется в этом. Нас любят или не любят — к нам нельзя быть безразличными, потому что и мы не безразличны к миру, потому что чувствуем и боль мира, израненного, окровавленного, измененного ложью и приведенного на край гибели. Если сегодня мы говорим о цельности человечества, об уважении к жизни, то потому лишь, что посвящаем огромные усилия борьбе за социальную справедливость, мир и делаем это со всей естественностью убежденных людей. Чингиз Айтматов недавно сформулировал это так: «Современная литература, в лучших своих образцах, культивирует те черты человеческой личности, которые соответствуют нашим социальным и этическим идеалам, как и идеалам общечеловеческим, выработанным совокупным опытом всех времен... И сейчас, быть может, особенно важна способность литературы научить каждого из нас думать о другом, как о самом себе».

Разве не об этом говорилось на XXVI съезде? Я думаю о нашей взаимной зависимости, о нашей соединенности мыслью, словом и действием; все-таки прекрасно, что мы вместе! Делегат XXVI съезда КПСС, украинский поэт Борис Олейник только что показал мне стихи, еще не переведившиеся на русский язык. Привожу одну строфу в подстрочном переводе:

У нас есть то, что даровано  
твердостью:  
Наука, которая мудрее  
и древнее.  
Если мир радуется,  
мы говорим — наше!  
Если миру больно,  
оставляя себе — твое!  
Сказано, по-моему, точно.  
И слова, сформулированные  
в Отчетном докладе ЦК, ставят  
перед каждым из нас очень  
человечную и такую ответственную  
задачу: «Жить интересами  
народа, делить с ним радость  
и горе, утверждать правду жизни,  
наши гуманистические идеалы, быть активным  
участником коммунистического  
строительства — это и есть подлинная народность,  
подлинная партийность искусства».

КЛЕВ

платили двадцатью миллионами жизней. Съезд проходил в год 40-летия ее начала. И не зря на нем столько было сказано о высокой цене обретенного мира. И мне представляется весьма знаменательным, что литературная Ленинская премия была присуждена Генеральному секретарю ЦК КПСС. В словах, сказанных по случаю вручения этой премии Л. И. Брежневым, был очень точно обобщен жизненный путь человека, понимающего неотъемлемость свою от духовной и физической жизни всего народа. Поучительность этих слов была лишь усилена XXVI съездом: «В жизни мне пришлось повидать всякое. Вырос я в рабочей среде, трудиться начал в заводском коллективе, и всегда буду с благодарностью вспоминать это время. Довелось мне также работать и в деревне, познать крестьянскую жизнь и труд земледельца. Ну, а с воинами нашей доблестной армии прошел в едином строю не одну тысячу километров».

И все это научило меня высоко ценить и глубоко уважать трудового советского человека — его скромность и терпение, упорство в труде и отвагу в бою, доброту к людям и беззаветную преданность великому ленинскому делу — делу счастья народа». Произнес эти слова человек, навидевший и сожженных городов, и убитых товарищей — ветеран Великой Отечественной, высоко несущий знамя Программы мира, провозглашенной нашими партийными съездами... Он имел право сказать в Отчетном докладе ЦК: «Сегодня совершенно очевидно: Советский Союз и его союзники являются теперь более, чем когда-либо, главной опорой мира на земле». Дело в том, что это определение свидетельствует не только о последовательности нашей политики, но и о том, что вся культура советского общества, в том числе литература его, устремлена к миру. Партийность нашей литературы и в этом: доказательство человечности и миролюбия нашего общества и в гуманизме литературы его.

МИР ВСЛУШИВАЕТСЯ в голос съезда. Возвращаясь к этой мысли, потому что опыт человечества и опыт каждого народа должны осмысливаться постоянно.

Одна из героинь романа Олеся Гончара «Твоя зоря», опубликованного в канун XXVI съезда, с грустной иронией обращается к своему собеседнику, а на самом деле ко всем нам: «Ожидали жизнь на Венере, искали разумных существ на Марсе, теперь нам говорят — где-то дальше есть, в иных галактиках... Если бы дали мне возможность взойти на какую-нибудь самую высокую трибуну планеты, обратилась бы сразу ко всем, закричала бы что есть мочи: эй, вы! Подарена вам планета уникальная. Дубликатов нет, так распорядитесь же ею достойным образом, а не умеете, передайте планету дельфинам, может, они мудрее распорядятся ею! По крайней мере, себе подобных они не уничтожат!»

Олеся Гончар — человек добрый и мудрый, чувствующий чужую боль. Искусство немислимо без боли, оно почти всегда — предельная боль. В последнее время я видел очень много развалин, приходилось метр за метром просматривать хроникальные киноленты о войнах последних сорока лет. В канун партийного съезда заканчивалась работа над фильмом об уроках уничтожения и воскрешения Киева, о спасителях моего города и народа: об убийцах, многие из которых живут под крыльшком зарубежных покровителей (значок из Монреала — в ящике

ком серьезны». Мы и вправду очень серьезны, потому что один лишь Киев потерял почти столько же жителей, сколько Соединенные Штаты Америки.

Я не знаю, как отнеслись бы мои американские коллеги к идее просмотра архивных пленок о гитлеровских расстрелах и поджогах, — возможно, отказались бы или глядели вполглаза. Но сейчас, когда и сострадание сумели извратить, социальные критерии сострадания все более четки. Съезд партии напомнил нам об этом тоже; а незадолго до съезда я спросил у турецкого прозаика Азиза Несина, что он думает об уроках советской литературы. Несин ответил почти не задумываясь и очень четко: «Самое большое, что взяла турецкая литература от советской, — это метод социалистического реализма». Личный опыт каждого писателя и коллективный опыт его народа конденсируются в книгах.

Только что опубликованный роман Чингиза Айтматова «И дольше века длится день» уже в самом названии предложил нам тезис об относительности времени. Судьба дорожного рабочего и его верблюда вдруг приобрела масштабы совершенно космические. Я снова подумал о литературе, сдвигающей тугие рамки времен и вмещающей в одну единственную жизнь столько проблем мирового значения. Но дело ведь не в одних только проблемах; проблемы должны быть не только поставлены — они должны быть и решены надлежащим образом. Не боясь острых коллизий, автор романа напоминает нам о том, что коммунист, пишущий книгу, должен быть не только талантлив, но и храбр в делах своих. Съезд партии, в канун которого опубликована книга Айтматова, подтвердил, что любое настоящее дело активно противостоит всем профанациям и подделкам. А искусство ведь всемогуще! Особенно если вдохновлено оно великой идеей: только если вдохновлено. Съезд напомнил и о противопоставлении настоящей проблемности колевачным идеалам капитализма, и о соответствии гражданина масштабности эпохи, и об ответственности его за все, что случается.

РАЗМЫШЛЯЯ об итогах XXVI съезда КПСС, я прежде всего думаю об ответственности, возложенной на любого из нас. Сохранение беспрерывной моральности человеческого бытия, служение и воспитание ответственности за нынешний день и за день грядущий. Причем и моральность, и отношение к будущему у нас четко классовые — тем труднее и тем необходимее их отстаивать со всей убежденностью и силой, которые мы в себе ощущаем.

В мире почти не осталось невыясненных отношений. Слова бывшего американского президента Картера: «У нас с Советским Союзом существуют коренные расхождения с 1917 года», — предельно откровенны, социально определены и, бесспорно, относятся к области культуры в той же мере, что и к политике. Политикой были и остаются ликвидация неграмотности в Советской стране и самые большие в мире тиражи книг — в том числе переводных; политикой был и остается интернационализм нашей культурной жизни; политикой является и то, что мы сумели добиться от капитализма признания мирного сосуществования.

Какие бы психологические войны ни объявлялись нам, высочайший авторитет советской культуры накрепко свя-